

Песчаная буря всё бушевала, однако Лу И надёжно закрепил автодом тросами и стальными штырями, так что яростные порывы ветра были ему не страшны — машина стояла как вкопанная.

Песок с сухим шорохом барабанил по толстым стёклам. Из-за плотной завесы солнце совсем скрылось, и на второй день Братцу Каю пришлось запустить бензиновый генератор. Воздух снаружи заметно остыл.

Тан Буфань и Лу И изнывали от безделья, коротая время в тесном салоне. Усевшись друг напротив друга на двухъярусной кровати с железным каркасом, они увлечённо распускали старые свитера.

У Дяди Волка нашлось несколько шерстяных кофт, которые для Лу И были безнадёжно малы, а на Тан Буфана висели мешком. Вот Тан Буфань и рассудил, что лучше распустить их на нитки и связать для Лу И что-нибудь по размеру.

В его семье когда-то считали каждую копейку, поэтому вязать умели все трое. Домашние тапочки, шапки, шарфы — всё в доме Тан Буфана было самодельным.

— Интересно, сколько это ещё продлится? — Тан Буфань задумчиво посмотрел в окно, за которым расстилалась жёлтая муть и завывал ветер. Левой рукой он придерживал обтрёпанный рукав, а правой аккуратно тянул за нитку.

— Ветер уже слабее, чем вчера. Думаю, к завтрашнему дню утихнет, — отозвался сидевший напротив Лу И. Он ловко наматывал смотанную нить в плотный клубок. Это нехитрое занятие ему даже нравилось — раньше заниматься подобным не приходилось.

Один тянул нитку, другой сматывал её — работа спорилась, и вскоре рядом с ними уже красовалось несколько увесистых шерстяных шаров.

— Как только сила ветра упадёт ниже шести баллов, мы сможем продолжить путь, — раздался из кабины мягкий мужской голос Братца Кая. Объектив камеры, подмигивая красным огоньком, развернулся в сторону Лу И: — Лу И, бак для воды пуст. Когда отправишься на охоту, обязательно поищи источник.

— Хорошо, — кивнул тот.

— Ещё нужно будет наколоть дров. Готовить лучше на костре, так мы сэкономим бензин, — добавил Тан Буфань.

— Хорошо, — послушно повторил Лу И.

— Да я не заставляю тебя одного горбатиться, — Тан Буфань невольно покачал головой,

поражаясь его покладистости. — Я тоже помогу.

Лу И на секунду отвлёкся от клубка и прищурился:

— Кругом горы. Вдруг из кустов выскочит волк и утащит вас?

—... У меня вообще-то пистолет с собой.

— Не поможет, волки двигаются гораздо быстрее вас. — Лу И решительно не хотел выпускать Тан Буфаня наружу. — Сидите лучше в тепле и вяжите. Осень на дворе, мне не мешает тёплый свитер.

— Ну ладно, — со вздохом сдался Тан Буфань.

— Наколем дров, а из части сделаем древесный уголь, — размышлял вслух Лу И. — Зимой он очень пригодится.

— Тогда можно и мясо закоптить, — подхватил Тан Буфань. — Так оно дольше сохранится, и не придётся забивать им весь холодильник.

Они неспешно переговаривались под глухой рокот бури за стенами автодома. В машине не было никаких развлечений, но скуки они почему-то совершенно не чувствовали.

На следующий день буря действительно пошла на убыль. Тан Буфань сладко спал на кровати, завернувшись в одеяло, как вдруг ему в лицо полетела горсть песка. Он сонно приоткрыл глаза и увидел, что Лу И приоткрыл дверь.

— Я наружу, сниму растяжки! — крикнул Лу И сквозь завывание ветра. На нём была чёрная толстовка с накинутым на голову капюшоном. Волосы он аккуратно собрал сзади, и лишь пара длинных вьющихся прядей у лба трепетала на ветру.

Братец Кай тут же заблокировал дверь, чтобы салон не засыпало песком.

— Осторожнее там... А-а-ах, — Тан Буфань сладко зевнул и нехотя сел на постели.

В голове привычно разлилась тупая боль, но он давно перестал обращать на неё внимание. Потирая заспанные глаза, он побрёл к кухонному уголку, чтобы сообразить завтрак... или уже обед.

Вскоре Лу И вернулся. Он уложил смотанные верёвки и массивные стальные костыли в ящик. Братец Кай завёл мотор, и тяжёлая машина медленно двинулась сквозь редкую завесу

пыли. Подвешенные у лобового стекла колокольчики негромко зазвенели. Машину слегка покачивало от боковых порывов ветра, но ехать было куда легче, чем в первый день.

— На улице сильно похолодало. Одевайтесь теплее, Учитель, — Лу И стянул капюшон и привычным движением взъерошил чёлку, стряхивая крупцы песка.

— Ещё и октябрь не наступил... — проворчал Тан Буфань. Поначалу холода он не заметил, но когда Лу И вошёл, в салон ворвался сквозняк, заставивший его поёжиться. Он выдвинул свой вещевой ящик и достал свитер.

Схватившись за край лёгкой домашней рубахи, Тан Буфань резким движением стянул её через голову.

Лу И замер на месте, невольно уставившись на него. Мужчина исхудал так, что под кожей отчётливо проступали рёбра и острые позвонки. Кожа его, мертвенно-бледная, отливала нездоровой синевой — зрелище жутковатое, почти пугающее.

Переведя взгляд на лицо Тан Буфania, Лу И заметил, что тот стоит с полуприкрытыми глазами и тихонько бормочет под нос:

— И почему так резко похолодало?..

Похоже, Тан Буфань даже не сообразил, что разделся прямо при нём. Лу И замялся на секунду, а затем деликатно отвернулся.

Тан Буфань быстро натянул тёплый свитер, снова зевнул и позвал:

— Садись есть.

Лу И скользнул по нему взглядом и, убедившись, что Тан Буфань оделся, подошёл к складному столу. Тан Буфань выглядел на редкость измождённым, глаза его слипались от усталости.

«Наверное, просто не выспался», — подумал Лу И, решив не забивать себе голову лишними тревогами, и принялся за еду.

Из-за плохой видимости Братец Кай вёл машину предельно осторожно. Расходуя драгоценное топливо, они весь день медленно пробирались вперёд, пока наконец не оставили позади пыльную бурю.

Когда воздух за окном очистился, оба вздохнули с облегчением. К тому времени уже стемнело, однако Лу И всё равно решил выбраться наружу — поохотиться и отыскать воду.

Тан Буфань остался в салоне распускать последний свитер. Работа продвигалась вяло: убаюканный мерным покачиванием машины, он прислонился к железной спинке кровати и задремал. Минут через пятнадцать он резко вздрогнул, когда голова безвольно упала на грудь, и распахнул глаза. Сердце бешено колотилось в грудной клетке, готовое вот-вот выпрыгнуть.

В салоне царила мёртвая тишина, нарушаемая лишь тусклым светом единственного плафона. Тан Буфань, тяжело и прерывисто дыша, прижал ладонь к груди. Ему казалось, что он стоит на пороге внезапной смерти.

Из кабины за ним безмолвно наблюдала камера с мерцающим красным светодиодом.

— Сяо Тан, тебе нужно ввести антидот, — мягко произнёс электронный голос Братца Кая.

— Антидот... Да, точно, антидот, — опомнился Тан Буфань.

Отбросив в сторону недораспущенный свитер, он сполз на край кровати, наклонился и вытащил из-под неё аптечку.

Внутри оставалось чуть больше десятка заветных коричневых ампул. Тан Буфань набрал лекарство в шприц, начал закатывать рукав...

Постойте. Когда это он успел надеть свитер?

Тан Буфань растерянно замер со шприцем в руке. Память снова подвела его. С трудом уняв дрожь от бешеного сердцебиения, он вогнал иглу в предплечье.

Под кожей разлилась знакомая тупая боль от инъекции. Тан Буфань отложил пустой шприц и глубоко вздохнул, чувствуя, как бешеный ритм пульса постепенно приходит в норму.

Убрав аптечку на место, Тан Буфань в просторном свитере с глубоким V-образным вырезом прошёл в кабину и опустился на пассажирское сиденье.

За стеклом стояла кромешная тьма, сквозь которую едва угадывались угрюмые очертания горных хребтов. Автодом замер на обочине разбитой гравийной дороги — бог весть в какой глуши.

Вглядываясь в темноту, Тан Буфань тихо спросил:

— Братец Кай, а где Лу И?

— Ушёл на охоту.

— Понятно.

— Опять провалы в памяти?

— Да.

В кабине ненадолго воцарилось молчание. Наконец Братец Кай заговорил:

— Я настоятельно рекомендую делать инъекции раз в два дня.

— Осталось всего одиннадцать ампул, — упавшим голосом отозвался Тан Буфань. — Если колоть каждые два дня, лекарства хватит едва на двадцать дней. А дальше что мне делать?

— Как только мы преодолеем Горы Циляншань, сразу выйдем к степному рынку, — мягко возразил ИИ. — Это займёт куда меньше месяца.

— Когда мы совались в пустыню, то тоже не подозревали, что днём там будет пекло и мы не сможем сдвинуться с места. И про бурю в этих горах никто не знал — мы потеряли целых четыре дня. Будущее слишком непредсказуемо, я не могу так рисковать, — отрезал Тан Буфань. — Я и так перешёл на схему «раз в три дня». Ужимать срок до двух дней нельзя.

— Как скажешь, — камера Братца Кая скользнула к лобовому стеклу, всматриваясь во тьму. — Лу И возвращается.

Тан Буфань поспешно потёр лицо ладонями, пытаясь согнать остатки слабости и придать себе бодрый вид.

Тяжёлая металлическая дверь с лязгом распахнулась. На пороге показался Лу И, тащивший на плечах огромную мохнатую тушу бурого медведя. Зверь был настолько огромен, что намертво застрял в дверном проёме.

— Не тащи его внутрь! — Тан Буфань поспешил к выходу. — Лучше спусти кровь и разделай снаружи.

Лу И согласно кивнул и, перехватив ношу, шагнул обратно в темноту.

Тан Буфань высунулся наружу, заворожённо глядя на распластанную у колёс гору меха.

— Ого, какой огромный!

— Тут неподалёку густой лес, дичи полно. Вот только склоны слишком крутые, автодом туда ни

за что не заедет, — донёлся из темноты голос Лу И. Он привычным движением выхватил из-за пояса армейский нож.

— А вода там есть? — оживился Тан Буфань.

— Да, горный ручей, — ответил Лу И, одним точным движением перерезая медведю горло.

Туша зверя была ещё тёплой, кровь хлестала упругой тёмной струёй, быстро впитываясь в сухую каменистую землю и образуя вязкую лужу.

Тан Буфань присел на корточки у порога, тщетно пытаясь дотянуться до густого меха. Заметив его нерешительность, Лу И убрал нож, подхватил мужчину под мышки и легко, точно ребёнка, перенёс наружу, опустив прямо на медвежий бок.

— Ничего себе! — ахнул Тан Буфань, балансируя на мягкой туше. — Вот это махина!

Если бы зверь поднялся на дыбы, в нём точно было бы метра три роста.

Тан Буфань опустился на колени и провёл ладонью по шерсти. На ощупь она оказалась жестковатой, но на удивление густой и гладкой.

— Хотите забрать шкуру, Учитель? — догадался Лу И.

— Ночи становятся всё холоднее, — серьёзно ответил Тан Буфань. — Ты спишь на полу, на такой подстилке будет куда теплее.

— Мне не нужно, мне на ней будет слишком жарко. Лучше постелем вам. — Лу И тоже погладил мех и недовольно нахмурился: — Слишком жёсткий. Завтра попробую выследить лису, у неё мех помягче.

— Давай всё равно снимем шкуру. Просушим на крыше, а потом выменяем на рынке на что-нибудь полезное, — предложил Тан Буфань.

— Тоже верно. — Лу И бережно перенёс Тан Буфана обратно в салон, снова взял нож и принялся за работу.

Острый запах свежей крови быстро привлёк лесных хищников. В темноте за кольцом света зловеще блеснули голодные волчьи глаза. Братец Кай заблокировал дверь автодома ради безопасности, оставив Лу И снаружи. Тот частично трансформировался, являя свою звериную ипостась, и уверенно продолжил свежевать тушу.

Осторожно отодвинув занавеску, Тан Буфань наблюдал за ним сквозь стекло. Он заметил, что Лу И больше не стесняется обращаться при нём, и на душе у Тан Буфани стало тепло и спокойно — губы сами собой тронула мягкая улыбка.

Пара самых отчаянных волков попыталась сунуться к добыче, но Лу И одним молниеносным взмахом ножа перерезал вожаку горло. Вид поверженного собрата мгновенно умерил пыл остальной стаи — волки испуганно попятились, не смея приближаться.

Спустив кровь ещё и с волка, Лу И аккуратно срезал обе шкуры, свернул их и забросил на крышу. Затем он быстрыми, точными ударами отрубил медведю голову и лапы, выпотрошил тушу и занёс чистые, сочные куски мяса в салон.

Стоило двери захлопнуться, как голодная стая с воем набросилась на оставленные потроха. Братец Кай завёл двигатель, уводя тяжёлую машину подальше от места кровавой пирушки.

— Вода на юго-востоке, километрах в четырёх-пяти отсюда. Посмотри, можно ли там проехать, — бросил Лу И Братцу Каю, укладывая мясо на кухонный стол и принимаясь за тяжёлый тесак.

Тан Буфань спать не ложился. Он устроился на железной кровати и методично распускал остатки вязаного полотна.

Братец Кай некоторое время петлял в темноте, пока наконец не наткнулся на пологий подъём. Автодом медленно вполз на гору, хотя до самого ручья добраться так и не удалось — дорога оказалась слишком завалена валунами.

— Сойдёт. Завтра схожу с вёдрами, принесу сколько нужно, — рассудил Лу И.

Машина встала на ночлег.

Тан Буфань поработал ещё немного, но усталость снова взяла своё. Отложив спицы и шерсть, он укутался в плед и закрыл глаза под монотонный, убаюкивающий стук кухонного ножа.

Тук. Тук. Тук.

О своём недавнем приступе и провале в памяти он Лу И говорить не стал — не хотел лишний раз тревожить парня.

Лу И старался шуметь как можно меньше, но, заметив по ровному дыханию, что Тан Буфань уже крепко спит, мягко улыбнулся в полумраке кухни и продолжил разделывать мясо.

Утро следующего дня началось в хлопотах. Лу И, вооружившись вёдрами и пустой тарой, отправился за водой. Тан Буфань, прихватив топор, выбрался наружу — благо вокруг росло

полно сушняка — и принялся заготавливать дрова, попутно приспособив старую железную бочку для обжига древесного угля.

Несмотря на то что песчаная буря осталась позади, небо плотно затянуло свинцовыми тучами, лишая их надежды на солнечные батареи. Пришлось снова залить бензин в генератор — из трёх канистр у них теперь оставалось всего две.

«Какое счастье, что Лу И тогда успел вытащить эти канистры из зыбучих песков, — подумал Тан Буфань. — Иначе в такую погоду они остались бы без электричества, без Братца Кая, запёртые в бесполезной груде железа».

«Хоть бы развиднелось...» — только и успел подумать Тан Буфань, опуская топор на очередное полено, как ему на лоб упала холодная капля.

Он поднял голову к серому безжизненному небу. Дождь стремительно набирал силу, с глухим стуком разбиваясь о сухую хвою.

«Да чтоб тебя!» — выругался про себя Тан Буфань, безнадёжно сжимая рукоять топора.

<http://bllate.org/book/19039/1988197>